

Специальное основание освобождения от уголовной ответственности за криминальное банкротство: критическая оценка законодательной новеллы

Аннотация. Одним из следствий предпринятых законодателем в июле 2021 г. попыток кардинально повысить эффективность норм об уголовной ответственности за криминальное банкротство выступило дополнение ст. 195 УК РФ примечанием, предусматривающим возможность освобождения от уголовной ответственности номинального руководителя организации-банкрота, способствовавшего своими действиями возмещению причиненного преступлением ущерба. Проанализировав данную новеллу, автор обратил внимание на то, что она аккумулировала в себе не только привычные для уголовного закона России правовые конструкции, но и отдельные положения конкурсного права. Между тем подобная рецепция носила половинчатый характер, поскольку законодателем было использовано не понятие контролирующего должника лица (которое, очевидно, им предполагалось), а лишь одна из презумпций контроля над должником — извлечение выгоды из незаконного или недобросовестного поведения должника, что представляется не вполне корректным. Помимо этого, примечание не предполагает для подставного руководителя никакого поощрения за раскрытие им информации об имуществе должника, скрывавшемся контролирующими его лицами, хотя такой подход присутствует в конкурсном праве и повышает шансы кредиторов на восстановление их нарушенных прав. Кроме того, освобождение от уголовной ответственности виновного лица по большей части поставлено в зависимость от действий третьих лиц, а не самого номинала. Ключевой вывод исследования заключается в том, что рассмотренная норма едва ли будет применяться на практике как ввиду отсутствия должного стимула для номинала, так и ввиду неопределенности процессуального механизма ее применения. В результате критической оценки автором была предложена оптимальная, на его взгляд, редакция проанализированной нормы.

Ключевые слова: освобождение контролирующих должника лиц от субсидиарной ответственности; криминальное банкротство; неправомерные действия при банкротстве; преднамеренное банкротство; освобождение от уголовной ответственности; уголовная ответственность.

Для цитирования: Субачев А. К. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности за криминальное банкротство: критическая оценка законодательной новеллы // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 8. — С. 99–107. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.099-107.

Special Grounds for Exemption from Criminal Liability for Criminal Bankruptcy: Critical Assessment of a Legislative Novel

Aleksey K. Subachev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University
p. Ayaks, 10, o. Russkiy, Vladivostok, Russia, 690062
jsbach1750@mail.ru

Abstract. One of the consequences following the legislator's attempts to radically improve the effectiveness of the norms on criminal liability for criminal bankruptcy in July 2021 was the addition of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation. It came with a note that made it possible for the nominal head of the bankrupt organization to be exempt from criminal liability if they contributed by their actions to compensation for the damage caused by the crime. After analyzing this novel, the author paid attention to the fact that it accumulated not only statutory concepts common for the Russian criminal law, but also certain provisions inherent in competition law. Meanwhile, such a reception was of a shambolic nature, since the legislator did not use the concept of a person controlling the debtor (which, obviously, he assumed), but only one of the presumptions of control over the debtor — extracting benefits from illegal or unscrupulous behavior of the debtor, which does not seem quite correct. In addition, the comment does not imply any encouragement for the fake manager for disclosing information about the debtor's property that was hidden by his controlling persons, although this approach is present in the bankruptcy law and increases the chances of creditors to restore their violated rights. Moreover, the exemption of the guilty person from criminal liability is for the most part dependent on the actions of third parties, and not the nominal value itself. The key conclusion of the study is that the considered norm is unlikely to be applied in practice both due to the lack of a proper incentive for the nominal value, and due to the uncertainty of the procedural mechanism of its application. Following the critical evaluation, the author proposes the optimal, in his opinion, revision of the analyzed norm.

Keywords: exemption of persons controlling the debtor from subsidiary liability; criminal bankruptcy; illegal actions in bankruptcy; intentional bankruptcy; exemption from criminal liability; criminal liability.

Cite as: Subachev AK. Spetsialnoe osnovanie osvobodzheniya ot ugovnoy otvetstvennosti za kriminalnoe bankrotstvo: kriticheskaya otsenka zakonodatel'noy novelly [Special Grounds for Exemption from Criminal Liability for Criminal Bankruptcy: Critical Assessment of a Legislative Novel]. *Lex russica*. 2022;75(8):99-107. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.099-107. (In Russ., abstract in Eng.).

Основными способами противодействия тем или иным формам преступного поведения уголовно-правовыми средствами выступают криминализация общественно опасных деяний и дифференциация уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности того или иного деяния, то есть посредством формулирования законодателем охранительных уголовно-правовых норм. Менее востребованными выступают поощрительные нормы, к наиболее ярким из которых следует отнести правила об освобождении от уголовной ответственности. Несмотря на то что указанное соотношение в правовом регулировании имманентно присуще уголовному праву, оно имеет не качественную, а количественную характеристику, в связи с чем значимость методов запрета и поощрения немислимо оценивать как различную. Руководствуясь, очевидно, приведенными рассуждениями, законодатель решил дополнить ст. 195 УК РФ примечанием,

предусматривающим специальные основания освобождения от уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных ст. 195, 196 УК РФ. Между тем эффективность соответствующей новеллы вызывает сомнения, что и послужило поводом для оценки ее уголовно-правового потенциала по противодействию криминальному банкротству автором настоящей статьи.

В первую очередь необходимо отметить, что освобождение от юридической ответственности в качестве способа поощрения номинального руководителя (участника) за содействие выявлению лиц, фактически контролировавших должника, их имущества либо имущества должника, скрывавшегося ими, известно законодательству о несостоятельности еще с 2017 г., когда Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее — Закон о банкротстве) был дополнен главой III.2. Для этого номиналу

¹ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

необходимо доказать отсутствие его определяющего влияния на деятельность юридического лица, а также представить сведения, благодаря которым удалось достоверно установить реально контролировавшее должника лицо и (или) его имущество либо имущество должника, скрывавшееся фактическим руководителем, и за счет которого могут быть удовлетворены требования кредиторов. При этом в дискреционные полномочия арбитражного суда входит как право на освобождение от субсидиарной ответственности, так и право на снижение ее размера, в зависимости от способствования представленной номиналом информации восстановлению прав кредиторов и компенсации их потерь (п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве, абз. 3, 4 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»²).

Частичная рецепция указанных положений нашла отражение в содержании включенного в ст. 195 УК РФ примечания.

В частности, помимо активного способствования раскрытию и (или) расследованию впервые совершенных преступлений, предусмотренных ст. 195 и 196 УК РФ, претендующее на освобождение от уголовной ответственности лицо обязано добровольно сообщить о лицах, извлекавших выгоду из незаконного или недобросовестного поведения должника, раскрыть информацию об имуществе (доходах) таких лиц, объем которого обеспечил реальное возмещение причиненного преступлением ущерба. При этом в действиях номинала (а подразумевались авторами соответствующего законопроекта именно номиналы и подставные лица³) не должно содержаться иного состава преступления.

Подобного рода приспособление положений одного закона к другому вызывает ряд критических замечаний.

Во-первых, это использование презумпции контроля над должником на основании извлечения выгоды из его незаконного или недобросовестного поведения, которая предусмотрена пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве. В частности, лица, приобретшие имущество долж-

ника с неадекватным дисконтом, кредиторы, получившие удовлетворение своих требований преимущественно перед другими, в том или ином виде извлекают выгоду. Действия их руководителей в отсутствие соучастия с руководителем должника не являются преступными, в то время как совершение руководителем должника упомянутых сделок может образовывать составы преступлений, предусмотренные ч. 1.1, 2.1 ст. 195, ч. 1 ст. 196 УК РФ. Очевидно, что раскрытие контрагентов по таким сделкам само по себе не может способствовать возмещению ущерба кредиторам должника. Восстановление нарушенных прав последних при совершении сделок, образующих объективную сторону состава неправомерных действий, производится за счет норм конкурсного права посредством оспаривания подозрительных и преференциальных сделок в рамках процедуры несостоятельности.

Во-вторых, использование отечественным законодателем формулировки о «лицах, извлекавших выгоду из незаконного или недобросовестного поведения должника», представляется не вполне корректным. Понятно, что нормотворцы имели в виду контролирующих должника лиц, поскольку соответствующая формулировка из примечания одновременно выступает презумпцией контроля над должником (пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве). Однако законодатель, вопреки своим намерениям, так и не придал рассматриваемой новелле бланкетного характера в упомянутом ракурсе. Как следствие, при решении вопроса об освобождении номинала от уголовной ответственности суду потребуется оценивать на предмет законности поведение субъекта в плоскости частноправовых отношений, поскольку такое незаконное или недобросовестное поведение к признакам состава криминального банкротства отношения не имеет. И одно дело, когда юридически эти субъекты будут совпадать в одном лице (должник-гражданин или индивидуальный предприниматель и виновное в совершении преступления лицо). В такой ситуации общественно опасное деяние, выступающее признаком объективной стороны состава криминального банкротства, и будет выступать в качестве незаконного поведения должника. Однако говорить

² Российская газета. 2017. № 297.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1099900-7 «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1099900-7> (дата обращения: 08.11.2021).

об этом уместно, если изолировать от позитивного законодательства, регламентирующего отношения несостоятельности. Конструкция контролирующего должника лица, как и субсидиарной ответственности в целом, на сегодняшний день применима лишь в процедурах несостоятельности юридических лиц. Физическое лицо (в том числе обладающее статусом индивидуального предпринимателя) не может номинально выполнять юридически значимые действия, касающиеся этого же физического лица, и, как следствие, не может быть привлечено к субсидиарной ответственности по своим же личным обязательствам. С учетом того что авторы соответствующего законопроекта взяли за основу конструкции конкурсного права, примечание к ст. 195 УК РФ может быть применено лишь в случаях криминального банкротства юридического лица. Но в ракурсе банкротства организации должник и виновное лицо суть разные лица. В этом случае суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело, будет вынужден оценивать именно поведение должника (но не руководителя) на предмет его соответствия нормам законодательства о несостоятельности, поскольку механическое перенесение деяния номинала на деятельность целой организации неверно методологически: незаконность поведения, на которое указано в примечании, выступает маркером бланкетности соответствующей нормы.

Еще бóльшую неразбериху в применении рассматриваемого основания для освобождения от уголовной ответственности вносит то, что, заимствуя презумпцию контроля над должником, законодатель одновременно рецепировал конструкцию недобросовестного поведения, закрепленную в гражданском законодательстве. Если оценка поведения должника на предмет его соответствия нормам конкурсного права представляет собой относительно техническое соотнесение действий с положениями законодательства о несостоятельности, то квалификация поведения в качестве недобросовестного выступает не самой обычной практикой не только для уголовного, но и для арбитражного судопроизводства. И хотя стороны регулярно ссылаются на недобросовестность оппонентов, применение ст. 10 ГК РФ встречается не так часто при раз-

решении хозяйственных споров. Несмотря на то что высшая судебная инстанция страны в своих разъяснениях приводит конкретные примеры такого недобросовестного поведения должника (совершение сделки на заведомо невыгодных условиях, или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом, или с использованием документооборота, не отражающего реальные хозяйственные операции; система организации предпринимательской деятельности, направленная на перераспределение совокупного дохода, получаемого от осуществления данной деятельности лицами, объединенными общим интересом, в пользу ряда этих лиц с одновременным аккумулярованием на стороне должника основной долговой нагрузки⁴), предусмотреть все возможные варианты злоупотребления правом едва ли возможно. Тем самым вопрос, который ранее стоял лишь перед судьями арбитражных судов, теперь предстоит решать и судьям, рассматривающим уголовные дела о криминальном банкротстве (в идеале). Осмелимся предположить, что реальной оценки поведения должника на предмет его законности или добросовестности проводиться не будет, а значимой информацией будут сведения о лицах, которые извлекли выгоду в результате совершения номиналом преступления. И мы надеемся, что речь будет идти не о любых участниках гражданского оборота, чья выгода состоит, например, в совершении должником сделки по продаже имущества с существенным дисконтом, а лишь о тех из них, кто одновременно осуществлял фактический контроль над должником.

В-третьих, указание на результативность представленной информации для компенсации имущественных потерь кредиторов также сделано без поправки на конкурсное право и механизм взыскания денежных средств с лиц, реально определявших действия должника. В процедуре несостоятельности освобождение от субсидиарной ответственности напрямую связано с выявлением фактических руководителей, их имущества либо имущества должника, скрываемого ими, что способствует восстановлению прав кредиторов. И происходит это не только в рамках одного вида судопроизводства, но и в рамках одного дела о банкротстве (по общему правилу). В рамках же уголовного

⁴ См.: абз. 3, 4 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 29.12.2017. № 297.

судопроизводства возможно лишь удовлетворение гражданского иска, которое происходит одновременно с постановлением приговора (пп. 1 ч 1 ст. 309 УПК РФ). В некоторых случаях иск вообще передается на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 309 УПК РФ). Исполнение же удовлетворенного иска происходит после привлечения виновного к уголовной ответственности. Иными словами, парадокс заключается в том, что даже при выполнении виновным всех условий для освобождения его от уголовной ответственности приговор будет постановлен до приведения в исполнение гражданского иска⁵. Исключения составляют лишь случаи добровольного возмещения причиненного преступлением вреда бенефициарами бизнеса, которые будут привлекаться к уголовной ответственности наравне с номиналом. По смыслу абз. 1 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»⁶, такое возмещение должно состояться до назначения судом первой инстанции судебного заседания. Однако в этом случае вопрос освобождения от уголовной ответственности номинала ставится в зависимость от действий реально контролировавших должника лиц, что представляется недопустимым.

Если же номинал выдал бенефициаров бизнеса в рамках дела о банкротстве, что позволило пополнить конкурсную массу должника и возместить причиненный преступлением ущерб, то дело о криминальном банкротстве уже и так раскрыто, контролирующие должника лица выданы, их имущество выявлено и реализовано, имущественные права кредиторов восстановлены. Изложенное ставит вопрос о целесообразности выполнения условий примечания к ст. 195 УК РФ.

Можно также вообразить и следующий механизм применения примечания к ст. 195 УК РФ. В ходе предварительного или судебного следствия номинал раскрывает необходимые сведения о бенефициарах и их имуществе, которые передаются арбитражному управляющему, сопровождающему процедуру несостоятельности должника. Последний, в свою очередь,

использует информацию для привлечения лиц, фактически контролировавших должника, к субсидиарной ответственности и исполнения соответствующего судебного акта. Порочность такой конструкции заключается, во-первых, в необоснованной увязке двух видов судопроизводств, во-вторых, в нарушении процессуальных сроков рассмотрения уголовного дела, и в-третьих, в постановке вопроса об освобождении от уголовной ответственности в зависимости от действий третьих лиц (арбитражного управляющего, суда, рассматривающего дело о банкротстве, судебных приставов-исполнителей, которые будут исполнять судебный акт о привлечении контролировавших должника лиц к субсидиарной ответственности).

По этой причине представляется, что единственно возможным, хотя и не лишенным ряда изъянов процессуальным механизмом применения примечания выступает добровольное возмещение контролировавшими должника лицами причиненного преступлением ущерба, которое происходит вследствие их привлечения в качестве обвиняемых по уголовному делу за счет раскрытой номиналом информации.

Примечательно также, что, заимствуя положения законодательства о несостоятельности нормы об освобождении номиналов от субсидиарной ответственности, федеральный законодатель при конструировании рассматриваемого примечания не предусмотрел возможность виновному раскрыть сведения об имуществе именно должника, которое может скрываться бенефициарами. Это следует оценить не просто как неполноту рецепирования, но и как несовершенство самой нормы. В самом деле, если лица, фактически контролировавшие должника, не имеют в собственности какого-либо значимого в масштабах кредиторской задолженности должника имущества, однако укрыли активы подконтрольной организации, стоимость которых способна покрыть имущественные потери кредиторов, то номинал, способствовавший выявлению этих активов, также должен иметь право на освобождение от уголовной ответственности.

Нельзя не обратить внимание и на то, что рассматриваемое основание освобождения от уголовной ответственности (в части раскрытия бенефициаров бизнеса и их имущества,

⁵ См. также: Саусин А. В. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства России об ответственности за преднамеренное банкротство // Безопасность бизнеса. 2021. № 5. С. 64.

⁶ Российская газета. 2016. № 266.

обращение взыскания на которое обеспечило восстановление прав кредиторов) является уникальным не только для Особенной части, но и для всего уголовного закона в целом (при этом уникальным с негативным оттенком). В частности, возмещение причиненного преступлением вреда выступает специальным основанием освобождения от уголовной ответственности лишь за ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ), налоговые преступления (ст. 198–199.1), а также преступления, связанные с уклонением от уплаты страховых взносов (ст. 199.3, 199.4 УК РФ). Однако соответствующие примечания предполагают освобождение от уголовной ответственности в случае, если причиненный преступлением вред был возмещен или иным образом заглажен *лицом, виновным в его совершении*. Основания освобождения от уголовной ответственности, размещенные в Общей части уголовного закона (ст. 75–76.2 УК РФ), содержат аналогичные требования. Применительно же к специальному основанию освобождения от уголовной ответственности за криминальное банкротство приходится констатировать, что выполнение его требований в рассматриваемой части находится вне воли виновного, хотя именно результативность действий номинала по раскрытию бенефициаров бизнеса в виде реального возмещения причиненного преступлением ущерба поставлена во главу угла. Можно, конечно, возразить, что номинал теоретически может самостоятельно возместить вред, причиненный криминальным банкротством. Однако, во-первых, текстуально норма не предполагает освобождения от уголовной ответственности при возмещении вреда номиналом, и во-вторых, на то он

и номинал, что существует в бизнес-структуре без какой-либо существенной относительно масштабов деятельности банкрота выгоды. Во всяком случае, заработная плата руководителя организации во многих случаях несоизмерима с ущербом, причиненным кредиторам преднамеренным банкротством.

Отталкиваясь от предыдущего аргумента, мы плавно переходим к оценке формулировки примечания «возмещение причиненного этим преступлением ущерба». Коль скоро во всех других основаниях освобождения от уголовной ответственности законодатель недвусмысленно дал понять, что вред, причиненный преступлением, необходимо возместить в полном объеме, то аналогичным образом следует толковать и примечание к ст. 195 УК РФ. Между тем даже выявление и реализация абсолютно всего имущества контролировавших должника лиц далеко не во всех случаях покрывает требования кредиторов несостоятельного должника. Осмелимся предположить, что такого в принципе не бывает. Тем самым применение рассматриваемого примечания в случае совершения преднамеренного банкротства, при квалификации которого общественно опасные последствия определяются исходя из совокупного размера не исполненных должником обязательств⁷ (размера оставшихся неудовлетворенными по итогам процедуры несостоятельности требований кредиторов⁸), является гипотетическим, но никак не реальным. При вменении же номиналу неправомерных действий при банкротстве, крупный ущерб от совершения которых, пусть и в редких случаях, также приравнивается к размеру задолженности на дату совершения деяния⁹, перспективы

⁷ См., например: приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 16.05.2016 по делу № 1-183/2016 (здесь и далее, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»); приговор Икрянинского районного суда Астраханской области от 19.02.2020 по делу № 1-5/2020; приговор Калининского районного суда города Чебоксары от 23.06.2021 по делу № 1-117/2021; приговор Ленинского районного суда города Астрахани от 01.02.2013 по делу № 1-22/2013(1-621/2012).

⁸ См., например: Землюков С. В., Коренная А. А. Ущерб как признак объективной стороны преступных деяний, связанных с несостоятельностью (банкротством) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 2 (29). С. 105–106; Морозова Ю. В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 129; приговор Октябрьского районного суда города Белгорода от 03.12.2019 по делу № 1-55/2019; приговор Центрального районного суда города Твери от 17.06.2019 по делу № 1-26/2019.

⁹ См., например: приговор Дубенского районного суда Республики Мордовия от 12.03.2012 по делу № 1-1/2012; приговор Тамбовского районного суда Тамбовской области от 11.04.2012 по делу № 1-100/2012.

освобождения виновного от уголовной ответственности равным образом представляются неутешительными. Между тем исходя из более верного, на наш взгляд, подхода, которого с определенными условиями придерживается и судебная практика, крупный ущерб от правонарушений действий при банкротстве определяется стоимостью отчужденных должником активов¹⁰ либо размером требований кредиторов, удовлетворенных заведомо в ущерб другим¹¹. В случаях извлечения бенефициарами бизнеса выгоды от соответствующих преступных действий руководителя должника выполнение условий для освобождения виновного от уголовной ответственности выглядит вполне реальным.

Частичная рецепция основания для освобождения подставного руководителя от уго-

ловной ответственности из конкурсного права представляется некорректной также в силу следующего. Во-первых, законодательство о несостоятельности не ставит вопрос освобождения номинала от субсидиарной ответственности в зависимости от полного восстановления прав кредиторов за счет раскрытой им информации¹². Более того, соответствующая норма Закона о банкротстве прямо даже не требует реального пополнения конкурсной массы должника. При реформировании же статьи 195 УК РФ отечественный законодатель посчитал, что самого по себе раскрытия значимой для процедуры банкротства информации недостаточно для освобождения лица от уголовной ответственности. Во-вторых, поощрение как механизм уголовно-правового регулирования может эффективно работать лишь в том случае, если условия

¹⁰ См., например: *Зацепин А. М.* Неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве: социальная обусловленность криминализации, проблемы законодательной регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 110 ; приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 08.04.2015 по делу № 1-434/15 ; приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 14.04.2014 по делу № 1-45/2014(1-1075/2013) ; приговор Карпинского городского суда Свердловской области от 17.08.2020 по делу № 1-91/2020 ; приговор Киреевского районного суда города Киреевска от 27.06.2013 по делу № 1-78/2013 ; приговор Кировского районного суда города Самары от 16.03.2021 по делу № 1-127/2021(1-775/2020) ; приговор Малгобекского городского суда Республики Ингушетия от 30.09.2019 по делу № 1-104/2019 ; приговор Пролетарского районного суда города Твери от 01.02.2013 по делу № 1-2/13 ; приговор Русско-Полянского районного суда Омской области от 02.03.2020 по делу № 1-3/2020 ; приговор Советского районного суда Саратовской области от 28.05.2021 № 1-52/2021 ; приговор Советского районного суда города Тулы от 19.04.2021 по делу № 1-2/2021(1-158/2020) ; приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 23.05.2019 по делу № 1-342/2019.

¹¹ См., например: приговор Алапаевского городского суда Свердловской области от 29.11.2019 по делу № 1-266/2019 ; приговор Галичского районного суда Костромской области от 07.02.2014 по делу № 1-4/2014(1-97/2013) ; приговор Куйбышевского районного суда города Омска от 31.01.2020 по делу № 1-11/2020(1-324/2019) ; приговор Ленинского районного суда города Костромы от 13.12.2012 по делу № 1-202/2012 ; приговор Наримановского районного суда Астраханской области от 22.12.2020 по делу № 1-189/2020 ; приговор Новопокровского районного суда Краснодарского края от 24.07.2020 по делу № 1-120/2020 ; приговор Октябрьского районного суда города Тамбова от 07.10.2010 по делу № 1-449/10 ; приговор Советского районного суда города Рязани от 04.10.2017 по делу № 1-150/2017 ; приговор Тейковского районного суда Ивановской области от 04.09.2019 по делу № 1-114/2019.

¹² Несмотря на то что п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» разъясняет исключительно основания для снижения размера субсидиарной ответственности, не затрагивая вопрос полного освобождения от нее, а также на встречающуюся в судебной практике позицию о невозможности освобождения номинального руководителя от субсидиарной ответственности в полном объеме (см., например: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.11.2019 № Ф06-53425/2019 по делу № А65-28134/2017 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.07.2018 № Ф09-3499/18 по делу № А76-23547/2013), в рамках статьи мы полагаем правильным руководствоваться положением п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве, предусматривающим возможность полного освобождения от субсидиарной ответственности, а также редкой практикой по его применению. См., например: определение Арбитражного суда Иркутской области от 03.12.2019 по делу № А19-3094/2017 ; определение Арбитражного суда Иркутской области от 20.07.2021 по делу № А19-15141/2017.

получения такого поощрения выполнимы не только теоретически, но и практически.

В свою очередь, Закон о банкротстве предусматривает не только полное (которое при этом встречается на практике в единичных случаях), но и частичное освобождение от субсидиарной ответственности в случае выдачи бенефициаров бизнеса, применение которого на практике относительно распространено¹³. И при таком тандеме (полное и частичное освобождение от ответственности) нормы конкурсного права действительно способствуют восстановлению прав кредиторов, поскольку номиналы во всяком случае улучшают свое положение сообщением значимой информации арбитражному суду, пусть это и происходит в большинстве случаев лишь в форме уменьшения размера субсидиарной ответственности. Однако частичное освобождение от уголовной ответственности — это нонсенс. Коль скоро полное освобождение от субсидиарной ответственности встречается на практике крайне редко, едва ли выполнение еще более строгих требований для освобождения от уголовной ответственности будет распространено на практике. И даже больший в сравнении с субсидиарной ответственностью стимул для номинала избежать уголовной ответственности не исправит ситуацию ввиду большой зависимости выполнения требований примечания к ст. 195 УК РФ от действий иных, помимо виновного, лиц.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что, частично рецепируя при конструировании примечания к ст. 195 УК РФ нормы конкурсного права об основаниях освобождения номинальных руководителей несостоятельного должника — юридического лица от субсидиарной ответственности по обязательствам последнего, законодатель:

- не учел должным образом механизм поощрения, существующий для номиналов в конкурсном праве;
- не предусмотрел для подставных руководителей возможности раскрыть сведения об имуществе должника, скрываемом контролирующими бизнес лицами, в качестве основания освобождения от уголовной ответственности;
- поставил возможность освобождения номинала от уголовной ответственности в зависимость преимущественно от действий третьих лиц;
- не конкретизировал процессуальный механизм возмещения причиненного преступлением ущерба как одного из оснований освобождения от уголовной ответственности.

В связи с этим представляется, что актуальная редакция примечания к ст. 195 УК РФ не будет эффективно работать на практике.

В заключение хотелось бы отметить, что более корректной представляется следующая редакция примечания к ст. 195 УК РФ:

«Примечание. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей или статьей 196 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если оно *при исполнении функций органов управления или учредителя (участника) юридического лица фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица*, активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления, добровольно сообщило *о контролирующих должника лицах*, раскрыло информацию об имуществе (доходах) таких лиц, *а также об имуществе должника, скрываемом ими*, и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

¹³ См., например: определение Арбитражного суда Иркутской области от 29.03.2021 по делу № А19-27721/2018 ; определение Арбитражного суда Кировской области от 26.05.2019 по делу № А28-5336/2016-57 ; определение Арбитражного суда Омской области от 02.10.2020 по делу № А46-11814/2017 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.07.2019 № Ф09-2158/17 по делу № А50-20911/2015 ; постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.03.2020 № 18АП-11675/2019 по делу № А07-30480/2017 ; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.03.2019 № 17АП-15919/2018-АК по делу № А60-34146/2014.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зацепин А. М. Неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве: социальная обусловленность криминализации, проблемы законодательной регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 199 с.
2. Землюков С. В., Коренная А. А. Ущерб как признак объективной стороны преступных деяний, связанных с несостоятельностью (банкротством) // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2013. — № 2 (29). — С. 105–106.
3. Морозова Ю. В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 245 с.
4. Саусин А. В. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства России об ответственности за преднамеренное банкротство // Безопасность бизнеса. — 2021. — № 5. — С. 59–64.

Материал поступил в редакцию 29 мая 2022 г.

REFERENCES

1. Zatsepin AM. Nepravomernye deystviya pri bankrotstve v ugovnom prave: sotsialnaya obuslovlennost kriminalizatsii, problemy zakonodatel'noy reglamentatsii i kvalifikatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [Illegal actions in bankruptcy in criminal law: Social conditionality of criminalization, problems of legislative regulation and qualification. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2010. (In Russ.).
2. Zemlyukov SV, Korennaya AA. Ushcherb kak priznak obektivnoy storony prestupnykh deyanii, svyazannykh s nesostoyatel'nostyu (bankrotstvom) [Damage as a sign of the objective side of criminal acts related to insolvency (bankruptcy)]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. 2013;2(29):105-106. (In Russ.).
3. Morozova YuV. Nepravomernye deystviya pri bankrotstve, prednamerennoe i fiktivnoe bankrotstva po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. [Illegal actions in bankruptcy, intentional and fictitious bankruptcy under the criminal legislation of the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2010. (In Russ.).
4. Sausin AV. K voprosu o sovershenstvovanii ugovnogo zakonodatel'stva Rossii ob otvetstvennosti za prednamerennoe bankrotstvo [On the issue of improving the Criminal Legislation of Russia on liability for intentional bankruptcy]. *Bezopasnost biznesa [Business security]*. 2021;5:59-64. (In Russ.).